

Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности

Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик

История человечества — это история конфликтов и войн. За минувшие пятьдесят веков народы Земли пережили более четырнадцати с половиной тысяч больших и малых войн. Люди веками выживали и социализировались в условиях конфликтов.

Прошрое столетие вошло в историю цивилизации как век двух мировых войн и бесконечной череды конфликтов и насилия. В конце XX века неоднократно звучала мысль, что грядущее столетие либо должно стать веком гуманным, либо его не будет вовсе. Однако в XXI веке продолжают конфликты и войны, активизируются вспышки ненависти и насилия, террористические акты, действия националистических группировок, растет поток беженцев. Сегодня человечество подошло к той опасной черте, когда дальнейшее развитие отношений между людьми по деструктивным сценариям может привести к фатальному исходу.

Лучшие умы человечества, пытаясь осмыслить особенности развития мировой цивилизации, не могли не учесть этого фактора. Строя свои теории, в которых конфликт занимал значительное место, они конструировали научный дискурс конфликта, определявший логику исследований и вектор развития науки. Это, в конечном ито-

ге, конструировало политическую и социальную реальность, массовое сознание людей и привело к формированию в мировом масштабе культуры конфликта и конфликтного мышления. Конфликтный вектор развития общественного сознания, по мнению А.Г. Асмолова, был задан в XIX веке тремя великими конфликтологами: Чарльзом Дарвином, Карлом Марксом и Зигмундом Фрейдом (Асмолов, 2002). Постулировав его как основу мироздания и развития, они во многом определили логику мышления XX века. Чарльз Дарвин положил конфликт в основу своей теории эволюции: борьба видов движет эволюцией, развивается тот вид, который одерживает победу над другим. Эта идея использовалась социал-дарвинистами для оправдания расовых теорий и войн, а эволюционистами — для подтверждения возможности социального прогресса. Карл Маркс подарил человечеству теорию антагонизма классов и классовую борьбу как двигатель истории. Зигмунд Фрейд утверждал, что развитием индивида движет конфликт между сознанием и бессознательным, и постулировал неизбежность межличностной и межгрупповой враждебности.

Парадигма конфликта активно складывалась в XX веке в гуманитар-

Солдатова Галина Уртанбековна
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО,
заместитель заведующего кафедрой
психологии личности, заместитель
декана факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Нестик Тимофей Александрович
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник кафедры
психологии личности факультета
психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

ных, социальных и экономических науках. Значительный вклад в ее развитие внесли социологи. В первой половине прошлого века ученые, вслед за Т. Парсонсом, рассматривали конфликт как дисфункциональное явление, «социальную патологию», имеющую временный характер и субъективную природу. Они пытались говорить о модели равновесия, стабильности и плюрализма (Дж. Ландберг, Э. Мэйо, Л. Уорнер). После Второй мировой войны конфликт стал рассматриваться как интегрирующий и стабилизирующий элемент общественной жизни (Л. Козер, Р. Дарендорф, А. Турен, К. Болдинг). Социологи, политологи, антропологи и другие исследователи, которые анализировали конфликты в контексте социального дарвинизма (Г. Спенсер, У. Самнер, Л. Гумплович и др.) и социального детерминизма (В. Парето, Г. Моска и др.), – все они сходились на том, что конфликты – постоянное явление нашей жизни. Г. Зиммель называл конфликт формой социализации и отмечал, что в осознании неизбежности конфликта состоит «трагедия культуры» (Зиммель, 1994). М. Вебер полагал, что конфликты, связанные со статусом и влиянием, пронизывают жизнь всех организаций и государств (Weber, 1950).

В настоящее время теории конфликта и практики его разрешения являются бурно развивающимися областями конфликтологии, в том числе и в России (А.Г. Здравомыслов, А.В. Дмитриев, А.Я. Анцупов, В.Н. Шаленко, Е.И. Степанов, Н.И. Леонов, Н.В. Гришина, В.А. Соснин, М.М. Лебедева, О.В. Аллахвердова и др.). Это свидетельствует о сильной позиции парадигмы конфликта в современной науке.

В конфликтологию вносит свой вклад и современная антропология – антропология насилия, антропология конфликта, антропология войны (Антропология насилия, 2001; Ferguson, Farragher, 1988; Ross, 1993; Nordstrom, 1997; Simons, 1999), а также политология, известной концепцией которой является теория «столкновения цивилизаций» авторитетного американского политолога С. Хантингтона.

Одна из главных задач, которую ставили перед собой ученые, занимавшиеся изучением конфликтов в прошлом веке, – это объяснение их моделей, причин возникновения и эскалации в человеческом обществе. Одним из результатов этого стало закрепление

в общественном сознании постулата о неизбежности конфликта в межлических отношениях и враждебности по отношению к другим группам. В большой степени это итог кристаллизации идей классического психоанализа об обусловленности человеческих несчастий самой природой человека – его врожденной предрасположенностью к агрессии – многочисленными последователями Фрейда, в том числе и теми, кто отошел от него (О. Ранк, В. Райх, К.Г. Юнг).

В соответствии с работами З. Фрейда, агрессия является реакцией индивида не на раздражение извне, а результатом действия его внутренних импульсов, которые непременно требуют выхода. Именно выход агрессии для человека и группы, по его мнению, приводит к враждебности и насилию (Фрейд З. Групповая психология и анализ Эго, 1921). В психологии такой подход называется мотивационным, согласно ему личность или группа нуждаются во внешнем конфликте для решения своих внутренних проблем. В работах З. Фрейда этот подход получил отчетливое воплощение. Его идея универсального характера враждебности по отношению к другой группе как главного средства поддержания внутренней сплоченности и стабильности собственной группы была принята многими исследователями в различных областях науки (К. Лоренц, С. Берковиц, А. Бандура, Л. Козер, Р. Дарендорф, Л. Кризберг, Р. Коллинз и др.).

Представители Франкфуртской школы (одного из течений в неомарксизме) Т. Адорно, Э. Фромм и Г. Маркузе также увидели причину возникновения конфликтов и напряженности в обществе в самом человеке, открыв «авторитарную личность», по словам возглавляющего это направление М. Хоркхаймера, – новый антропологический тип человека XX века.

Эрих Фромм, исследуя в 1931 г. представителей среднего класса Германии, обнаружил у них наличие установок, определяющих не только готовность к принятию тоталитарного режима, но и потребность в нем. Причем подобные установки могли сочетаться с формально негативным отношением к национал-социализму. Позже в своей знаменитой книге «Бегство от свободы» (1941) Э. Фромм впервые описал авторитарность как «социальный характер».

В масштабных исследованиях, проведенных перед Второй мировой войной представителями этой школы, склонность к ксенофобии и подверженность фашистской идеологии были выявлены в качестве устойчивых индивидуальных особенностей авторитарной личности (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунвик, Д. Левинсон, Н. Сэнфорд). Среди ее основных характеристик были выделены следующие: консерватизм, потребность в сильном лидере, боязнь проявлять собственные чувства и страх утраты самоконтроля, предвзятость и стереотипность, деструктивность и цинизм, склонность проецировать подавленную агрессию вовне (Adorno et al., 1950). Эти исследования на многие годы определили научный и общественный дискурс и дали дополнительные аргументы для укрепления парадигмы конфликта.

В 1950–1960-е гг. целым рядом социальных психологов были предприняты попытки преодолеть постулат неизбежности конфликта. Одним из путей его преодоления стал так называемый ситуационный подход. В его рамках, в первую очередь на основе известных экспериментов М. Шерифа, было исследовано влияние внешних факторов: конкретной ситуации и контекста взаимодействия, – на динамику развития конфликта. В 1954 г. в его эксперименте сначала была сконструирована ситуация жесткой конкуренции и изоляции двух групп мальчиков в бойскаутском лагере, а потом – ситуация кооперации для решения задач, которые можно было бы выполнить только при условии совместных действий (Sherif et al., 1961). Этот эксперимент и последовавшие за ним многие другие предоставили доказательства ситуативной обусловленности конфликтов и открыли социальные возможности преодоления постулата неизбежности конфликтов и межгрупповой враждебности. Выводы, к которым привел этот подход, получили свое воплощение в известной «реалистической теории конфликта», согласно которой конфликт уже не определяется природой человека, а рассматривается как «рациональный» феномен и поэтому возникает в тех ситуациях, когда группы имеют несовместимые цели и конкурируют в стремлении овладеть ограниченными ресурсами (Д. Кэмпбелл).

Такие выводы существенно подорвали представления об иррациональ-

ной природе конфликта, поставили вопросы о соотношении конкуренции и кооперации и определили интерес исследователей к вопросам взаимодействия и сотрудничества в человеческом обществе. Благодаря этим работам появилась возможность ограничения воцарившегося конфликтного дискурса.

Начиная с 1960-х гг., в то время, когда теория конфликта бурно развивалась на фоне социальных движений против расовой дискриминации и молодежных волнений, стало складываться понимание ограниченности конфликта как основного объяснительного принципа социального развития.

В значительной степени переход к парадигме согласия и солидарности был связан с глобальными процессами второй половины XX века. Во-первых, опыт тоталитарных режимов со всей очевидностью показал, что крупные конфликты не приводят к окончательному миру, а устранение из диалога другой стороны (класса, политической оппозиции, этнической группы) только усиливает социальные и экономические противоречия. Во-вторых, после создания ядерной бомбы гонка вооружений довольно быстро показала физическую невозможность уничтожения врага без уничтожения самих себя. К политическим элитам пришло осознание необходимости мирного сосуществования несмотря на различия в интересах и радикальную противоположность идеологий (Tetlock et al., 1991; Кокшин, 2009; Журавлев, Нестик, Социн, 2010). В-третьих, нарастающие процессы глобализации стерли пространственные границы и показали взаимозависимость людей перед лицом глобальных социально-экономических и экологических рисков.

Как отмечает А.П. Назаретян, до XX века усилия культур сводились, главным образом, к тому, чтобы упорядочивать социальное насилие, препятствовать его хаотизации. Поэтому каждая культура более или менее жестко делила людей на чужих и своих и, как правило, включала в качестве стержневого компонента образы героев и воинов, которые систематически использовались для вдохновения новых защитников «своих» в борьбе против «чужих». Современность поставила перед человечеством другую радикальную задачу — устранить насилие с по-

литической арены. Планетарная цивилизация, овладевшая огромным технологическим потенциалом, сможет избежать самоистребления на очередном витке эволюции только в том случае, если люди успеют своевременно усовершенствовать систему базовых ценностей, норм и механизмов самоорганизации. Это предполагает, в частности, что разнообразие макрогрупповых культур, самоорганизующихся по модели «они — мы», будет сходиться на нет, трансформируясь в растущее разнообразие микрогрупповых и индивидуальных культур (Назаретян, 1994, 2008).

Гуманитарные и социальные науки начинают искать ответ на вопрос: как избежать разрушительных конфликтов и найти новую дорогу к общественному согласию. С одной стороны, феномен конфликта получает новое осмысление — ему начинают приписывать интегративные функции, определять условия, при которых конфликт является конструктивным. Например, Л. Козер приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что множество успешно разрешаемых мелких конфликтов «стягивает» общество в единое целое, предотвращая социальные потрясения (Козер, 2000). С другой стороны, идет активный поиск экономических, социальных и психологических механизмов, превращающих растущее культурное разнообразие из угрозы в преимущество.

Во второй половине XX века получают популярность появившиеся еще в 1920-1940-х гг. социально-психологические и философские концепции, обосновывавшие роль Другого и диалога с ним в развитии личности и общества (Г. Мид, Л.С. Выготский, М. Бахтин, М. Бубер, Э. Левинас, Г. Марсель, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси).

Диалогический принцип стал обнаруживаться в самых разных сферах культуры (Махлин, 1997). Интертекстуальность и диалог осмысливаются как ключ к феномену человека в исторической науке и теории культуры: историческая школа «Анналы»; герменевтика Г.-Г. Гадамера; концепция культуры как процесса интерпретации К. Гиртца; эстетика Р. Барта, Ц. Тодорова и Ю. Кристевой; тартуско-московская семиотическая школа с ее наиболее яркой фигурой — Ю.М. Лотманом; работы В.Н. Топорова и В.В. Иванова; школа «диалога культур» В.С. Библера и др. В

конце XX века наметился переход от мышления, ориентированного на взрывы, к эволюционному сознанию. Ю.М. Лотман описал этот процесс как переход от бинарных символических структур — например, свои/чужие, божественное/дьявольское, капитализм/социализм — к тернарным, допускающим новый, продуктивный синтез противоположностей. Если идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками, то тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, «перемещая их из периферии в центр системы» (Лотман, 2000, с. 142).

Экономисты заново открывают для себя сотрудничество: на место неоклассической модели человека как «максимизатора полезности» приходит неoinституционализм и поведенческая экономика, признающие экономическую роль социальных норм взаимности и доверия (Дж. Гелбрейт, У. Ростоу, Д. Норт, Л. Болтански, Л. Тевено, А. Этциони, Дж. Гоулмен, Б. Фей и др.). Проявляется значимость альтруизма в экономическом поведении (Freu, 1997; Meier, 2007).

В социальных науках на первое место постепенно начинают выходить феномены интеграции: социальный обмен, взаимопонимание, общность цели, коммуникации, коллективные представления, социальная идентичность, сети социальной поддержки и социальный капитал (Шихирев, 1999).

К концу XX века стала меняться и сама теория конфликта. В частности, внимание конфликтологов стало переключаться с механизмов эскалации конфликта на механизмы поддержания мира: формирование доверия, примирение, прощение, восстановление после культурно-исторической травмы, толерантность (Forgiveness and reconciliation, 2002; Peace and Reconciliation, 2008; Handbook on Building Cultures of Peace, 2009 и др.).

В социальных науках переосмысливается не только категория конфликта, но и близкие к ней понятия соперничества и конкуренции. В экономических науках получает широкую популярность понятие конкурентного сотрудничества (cooperation), довольно точно описывающее изменения, происходящие в бизнесе: создание стратегических альянсов между конкурирующими компаниями, растущее значение

неформальных деловых сетей, пронизывающих и объединяющих рынок. В социальной психологии предпринимателя попытки показать, что состязательность не отрицает, а, наоборот, предполагает сотрудничество.

Так, например, российским психологом А.Г. Шмелевым предложена концепция продуктивной конкуренции, согласно которой соперничество приводит к обогащению среды и росту собственного потенциала не только у победителей, но и у значительной части участников конкуренции. В большинстве случаев конкуренция не является антагонистической борьбой на уничтожение. Смысл концепции продуктивной конкуренции основывается на убеждении в том, что новые уровни материального и культурного прогресса достигались человечеством не путем истребления сильными субъектами всех слабых, а путем создания все более масштабных и разнообразных по форме коалиций, в рамках которых сильные добровольно ограничивали свою власть над слабыми. Сильные добровольно принимали самоограничение на рост своего потенциала ради сохранения права слабых на полноценное существование. Распространение полномасштабных гражданских прав на иноплеменников и иноверцев, на женщин, стариков, детей, на бывших рабов (в том числе представляющих другие расы), занесение в Красную книгу вымирающих видов животных, языков, забота о физическом и культурном выживании малых народов — вот далеко не полный перечень добровольных и разумных самоограничений, трансформирующих социобиологическую конкуренцию между особями и популяциями в полноценные социальные отношения (Шмелев, 1997).

Значительную роль в переходе к парадигме диалога и толерантности играют естественные науки — теория сложных систем и эволюционная биология. Естественная мысль с математической точностью нелинейных уравнений обосновала необходимость поддержания разнообразия и сложности в социальных системах, показала бесперспективность сведения сложной реальности к борьбе взаимоисключающих начал.

Принципиально важными в этой связи оказались исследования нелинейных процессов, показавшие, что для успешной адаптации к изменени-

ям самоорганизующимся системам необходимо поддерживать сложность и неравновесность, которые позволяют природе «выбирать» наиболее эффективный вариант из множества альтернативных (И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Николис, Г. Хакен, С.П. Курдюмов и др.). В основе сложности лежит принцип «кооперации» молекул: изучение механики жидких тел, лазера, химических реакций и одноклеточных организмов показало, что в состоянии неустойчивости даже удаленные друг от друга на макрорасстоянии частицы начинают устанавливать между собой связи. Таким образом, физические и биологические процессы в условиях непрерывных изменений успешно описываются не на языке борьбы, а на языке сотрудничества.

Увеличение разнообразия — это эффективная стратегия адаптации к рискам, выработанная миллионами лет эволюции. Например, внедрение в водоем хищной рыбы приводит к быстрому увеличению разнообразия зоопланктона в этом пруду. И наоборот, достаточно удалить из скопления разнообразных водорослей питающихся ими морских ежей, как это разнообразие начинает уменьшаться (Иванченко, 1999).

По мере роста неопределенности, глобальных рисков и скорости изменений в XXI веке выводы теорий информации, кибернетики и сложных систем приобретают все более важное значение для управления социальными процессами. Еще в 1954 г. одним из основателей кибернетики У.Р. Эшби был сформулирован принцип необходимого разнообразия: для эффективного управления многообразием управляющей системы должно быть не меньше многообразия управляемого объекта. В своей книге «Введение в кибернетику» У.Р. Эшби писал: «При создании проблеморазрешающей системы необходимо, чтобы эта система имела большее разнообразие, чем разнообразие решаемой проблемы, или была способна создать такое разнообразие. Иначе говоря, система должна обладать возможностью изменять свое состояние в ответ на возможное возмущение; разнообразие возмущений требует соответствующего ему разнообразия возможных состояний. В противном случае такая система не сможет отвечать задачам управления, выдвигаемым внешней средой, и будет малоэффективной. Отсутствие или

недостаточность разнообразия могут свидетельствовать о нарушении целостности подсистем, составляющих данную систему» (Ashby, 1956). Иными словами, чтобы управлять сложными процессами, олицетворением которых стали труднопредсказуемые риски и глобальная взаимозависимость, обществу как субъекту управления надо целенаправленно поддерживать собственную сложность, разнообразие политических, экономических и культурных форм. Устойчивость и эволюционный потенциал систем любой природы пропорциональны внутреннему разнообразию, накапливаемому на высших уровнях организации за счет упрощения и унификации низших (Седов, 1988; Назаретян, 1987).

Достижения эволюционной биологии помогают понять, почему толерантность как устойчивость к культурному и индивидуальному разнообразию повышает способность человечества к выживанию. Выдающийся российский биолог А.Н. Северцов заметил, что в условиях высокой нестабильности эволюционные механизмы начинают работать на опережение — возникает так называемый «ароморфоз», когда у вида появляются новые качества, повышающие уровень его жизнедеятельности и подготавливающие его к критическим изменениям среды обитания. Идея ароморфоза схожа с концепцией преадаптации, предложенной Н.И. Вавиловым: в ходе эволюции виды накапливают те или иные полезные признаки еще до того, как они становятся для них действительно полезными. Таким образом природа запасается разнообразием, чтобы повысить устойчивость живых систем к изменениям. Идея роста вариативности как критерия эволюционного прогресса получила дальнейшее развитие в биологии (И.И. Шмальгаузен, К.М. Завадский, В.И. Варшавский и Д.А. Поспелов), а также в теории антропогенеза и этнических общностей (В.П. Алексеев, С.А. Арутюнов, Л.М. Дробужева, Ю.В. Бромлей, Г.П. Григорьев). В частности, согласно К.М. Завадскому, в эволюции одновременно осуществляются два тесно связанных друг с другом процесса. С одной стороны, происходит объединение разрозненных элементов в систему, в множество, которое открывает возможность решения задач, ранее не доступных ни одному из составивших систему элементов. С другой стороны,

идет процесс дифференциации систем, когда появляются подсистемы — узкие специалисты, обладающие возможностью делать только одно дело, но зато делать его с самой высокой степенью эффективности. Иными словами, унификация и расширение вариативности — это две стороны одного и того же явления. В живом мире и в обществе они невозможны друг без друга: только в системе, во взаимодействии с другими людьми и культурами личность получает возможность наиболее полно реализовать потенциал своей вариативности, свою неповторимую индивидуальность (Асмолов, 1996, 2007).

Как писал отечественный психолог В.А. Вагнер, чем более развито сообщество, тем больше вариативность проявлений входящих в это сообщество особей (Вагнер, 1928). Колебания индивидуальной одаренности возрастают вместе с усложнением сообщества: от стадных животных к человеческому обществу. Эта закономерность показывает значимость вариативности индивида в расширении эволюционирующих систем, появлении новых культурных практик, рождении и гибели цивилизаций и культур (Асмолов, 2007). Из этого следует, что толерантность и альтруизм необходимы обществу для поддержания внутреннего разнообразия и, в конечном счете, для выживания в условиях высокой неопределенности и труднопрогнозируемых рисков.

Таким образом, анализ происходящих в XXI веке социальных изменений с точки зрения отдаленного (эволюционного и исторического) прошлого и будущего позволяет увидеть ограниченность парадигмы конфликта, показывает значимость сотрудничества, толерантности и альтруизма в развитии общества. Именно в долгосрочной перспективе, которую открывают перед нами сегодня теория игр, генетика и эволюционная психология, становится очевидным, что конфликты и альтруизм тесно связаны друг с другом.

Русский революционер и ученый-энциклопедист Петр Кропоткин в полемике с Генри Гексли (ярымным сторонником Ч. Дарвина), утверждавшим что соперничество — важнейший двигатель человечества (Гексли, 1988), выдвинул тезис о взаимопомощи «как преобладающем факторе природы». В своей работе «Взаимная помощь как

фактор эволюции» (1902) Кропоткин доказывает, что в отличие от борьбы, которая может вести как к прогрессу, так и к регрессу, практика взаимопомощи представляет силу, всегда ведущую к прогрессивному развитию. Ученый пытался доказать, что люди расположены помогать друг другу без принуждения. Он изучал взаимопомощь среди племен бушменов, эскимосов, готтентотов и демонстрировал ее роль в создании родов и общин; в период Средневековья — цехов, гильдий, вольных городов; в Новое время — объединении людей по интересам, в создании кооперативов, страховых обществ, в развитии солидарности у рабочих во время их выступлений против буржуазии. Кропоткин обосновал закон взаимной помощи и солидарности как неперемное условие прогресса человеческого общества, как фактор его эволюции (Кропоткин, 2007).

Идеи П.А. Кропоткина созвучны идеям о ноосфере французского антрополога и философа П. Тейяра де Шардена и русского ученого-естествоиспытателя В.И. Вернадского, а также концепции семиосферы Ю.М. Лотмана. Эволюция в целом и история человеческой культуры рассматривается ими как постепенное, но неуклонное возрастание осознанности, вовлечение живой и неживой природы в знаковые процессы. Лауреат Нобелевской премии врач и философ А. Швейцер видел проявление нравственного прогресса человечества в том, что в сферу солидарного сотрудничества вовлекается все больше людей. Главный принцип «благоговения перед жизнью» этической концепции Швейцера реализуется, по его мнению, во взаимопомощи, взаимослужении, взаимответственности людей (Швейцер, 1992).

Тезис Кропоткина о взаимопомощи привел к перевороту в эволюционной теории в середине XX века. Современные теории этологии и коэволюции во многом подтверждают его мысли. Формируется новый взгляд на истоки таких человеческих качеств, как альтруизм и эгоизм, на межгрупповые отношения, на ксенофобию и фашизм. Эти вопросы особенно важны в контексте нашей темы.

Среди авторов, которые первыми сосредоточились на исследованиях этих важных человеческих проблем — основоположники так называемой теории родственного обмена: Р. Фишер,

Д. Холдейн, У. Гамильтон. Они заложили традицию исследования эволюции альтруизма (реципрокного или взаимного альтруизма) у животных, рассматривая его в устойчивой связке с эгоизмом, и перекинули мостик к изучению происхождения этого качества у человека. Идеал реципрокного альтруизма — это всем известное «золотое правило этики»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Альтруистическое поведение в процессе эволюции выступало и как средство повышения собственной репутации и социального статуса. Этот механизм поддержания альтруизма через улучшение репутации получил название непрямой реципрокности: вы совершаете альтруистический акт, жертвуете собой — это повышает вашу репутацию в глазах соплеменников, и вы имеете репродуктивный успех, оставляя больше потомков (Марков, 2010).

В 1984 г. была опубликована книга социального психолога Р. Аксельрода «Эволюция сотрудничества», в которой он рассматривает условия кооперативного взаимодействия в биологических системах, международных отношениях, бизнесе и т. п. В ее основу легло исследование, существенно повлиявшее на представления ученых о феномене сотрудничества. Аксельрод опирался на классическую игровую модель, известную как «дилемма заключенного» (М. Флад, М. Дрешер, А. Такер), которая требует от игроков постоянного выбора между сотрудничеством и предательством. Проведя эксперимент с использованием специально созданных компьютерных турнирных программ, ученый обнаружил, что в долгосрочной перспективе сотрудничество всегда предпочтительнее предательства. Согласно Аксельроду, ключевым условием успешности сотрудничества является долгосрочная перспектива отношений: «игроки могут прийти к сотрудничеству, узнавая путем проб и ошибок о возможностях взаимовыгодного решения, путем имитации действий других успешных игроков или путем слепого отбора относительно более успешных стратегий по сравнению с относительно менее успешными» (Axelrod, 1990 (1984), p. 182). Другими словами, эгоистичные индивиды во имя собственного блага будут стремиться быть добрыми, прощающими и независтливыми. Это позволяет сделать вывод, что альтру-

изм является эволюционно выигрышной стратегией.

Американский экономист Самюэль Боулз продолжил исследование сопряженной модели эволюции альтруизма и эгоизма, когда, с одной стороны, развиваются такие качества, как доброта, альтруизм, самопожертвование, а с другой — враждебность, воинственность, ненависть. Он, используя метод компьютерного моделирования, сталкивал между собой группы, отличающиеся моделями поведения. В результате выяснилось, что модель самопожертвования выбиралась по той причине, что она была самой эффективной для дальнейшего развития и существования группы (Боулз, 2011).

В 1990-х гг. руководитель программы эволюционной динамики Гарвардского университета М. Новак и профессор математики Венского университета К. Зигмунд показали, что «дилемма заключенного» описывает цикл человеческого поведения: стратегии, основанные на эгоизме, проигрывают тем, которые опираются на сотрудничество, а эти последние, в свою очередь, уступают место стратегиям с еще более альтруистическим подходом. Затем появляются эгоисты, и все начинается сначала. Подобная модель «эволюционной динамики» становится еще более реалистичной, если в нее ввести элемент случайности. Она показывает, что при благоприятных условиях конкуренция ведет к сотрудничеству, а также показывает, насколько хрупок этот баланс.

Попытка ответить на вопрос, могло ли современное общество развиваться только лишь на основе конкурентного взаимодействия, была продолжена в совместной книге М. Новака и Р. Хайфилда «Суперкооператоры. Альтруизм, эволюция и человеческое поведение. Или почему мы нужны друг другу, чтобы преуспеть» (Novak, Highfield, 2010).

Исследования на границе математики и биологии, которые М. Новак с коллегами проводили на протяжении последних десятилетий, показали, что совместная деятельность необходима для того, чтобы добиться максимального развития и совершенствования общества. Они подчеркивают, что альтруизм является не менее важной движущей силой эволюции, чем мутации, порождающие генетическое разнообразие, и селекция, направленная на отбор тех признаков, которые лучше

всего подходят для данной среды обитания. Именно альтруизм и кооперация позволяют объяснить творческий характер эволюции (Novak, Highfield, 2010).

Выводы этого исследования кажутся справедливыми не только для людей, организаций или государств, но и для таких примитивных форм жизни, как бактерии. С точки зрения борьбы за существование подобный альтруизм, на первый взгляд, не имеет смысла. Помогай другим, мы теряем собственное преимущество. Однако данная практика встречается даже среди низших организмов. Когда у одной бактерии возникают проблемы с поглощением пищи, соседние клетки приходят ей на помощь, несмотря на то, что они являются конкурентами. По большому счету, это выглядит как фатальная аномалия. Согласно традиционным представлениям, естественный отбор должен заставлять живые организмы вести себя таким образом, чтобы увеличивать собственные шансы на выживание и размножение.

Однако последние данные показали, что способность к сотрудничеству и взаимопомощи чрезвычайно важна. Существа, находящиеся на различных уровнях развития и обладающие разными убеждениями, сотрудничают для того, чтобы жить. Некоторые бактерии формируют колонии, в которых одни особи гибнут для того, чтобы прокормить других, пчелы непрерывно собирают пыльцу на благо улья. Аналогичные закономерности характерны и для человеческого общества. Современный мир представляет собой коллективное предприятие, которое существует только благодаря совместной деятельности огромного числа людей.

Исследования в области эволюционной психологии показывают, что сопереживание и альтруизм появляются на самых ранних этапах эволюции человека и по мере развития человеческого общества переносятся с ближайших родственников на все менее близких и даже совсем чужих людей.

Так, Ф. де Ваал утверждает, что корни альтруизма и эмпатии уходят очень глубоко в эволюционное прошлое. Монополией на мораль обладают не только люди. Ключевая роль в моральном функционировании принадлежит эволюционно «старым» отделам мозга, а не только «моральной сети», расположенной в коре — эволюционно

более позднем отделе мозга. Шимпанзе, как и дети в возрасте полутора лет, демонстрируют альтруистическое поведение без какого-либо вознаграждения в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Они могут предложить другому шимпанзе палку, как ребенок предлагает карандаш, — просто потому, что они не могут иначе. И они делают это неоднократно, не получая за это никакого вознаграждения (Waal de, 2009).

У людей альтруистическое поведение может формироваться не только вследствие сопереживания, но и как результат усвоения социальных норм. Например, выяснилось, что большинство трех- или четырехлетних детей ведут себя обычно как эгоисты, но к 7–8 годам у них уже четко выражена готовность помочь ближнему. Специальные тесты показали, что чаще всего альтруистическое поведение у детей основано не на бескорыстном желании помочь, а на стремлении к равенству и справедливости (Марков, 2010).

Сама возможность формирования и передачи таких социальных норм появилась благодаря сотрудничеству, а не противоборству. Человеческая коммуникация, служащая для передачи ценностей и норм, в своей основе кооперативна. Это убедительно показывает М. Томаселло, опираясь на культурно-историческую психологию Л.С. Выготского. Коммуникация возникает в контексте взаимовыгодных форм сотрудничества, в рамках которых особи, помогавшие друг другу, одновременно помогли и себе (Томаселло, 2011). Это не столь очевидно, поскольку в наши дни кооперативная коммуникация может использоваться в любого рода эгоистичных, нечестных, соревновательных и иных индивидуалистических целях, значит, все они чисто теоретически могли стать контекстами, в которых закладывалась коммуникация человеческого типа. Тем не менее, способность к человеческому общению могла появиться лишь при условии наличия сопереживания, в широком смысле — совместно разделяемой интенциональности, то есть способности к разделению намерений, замыслов и целей. Это встраивание в намерения других, по мнению М. Томаселло, предполагает новые, свойственные только человеку социально-когнитивные и социально-мотивационные навыки. По мнению Т.В. Ахутиной — автора вступитель-

ной статьи к русскому изданию книги М. Томаселло, такое предствление о возникновении совместных намерений переключается с мыслью Л.С. Выготского о социальном происхождении высших психических функций у человека и о первом этапе социализации — сознании «пра-мы». Для этого новообразования младенческого возраста характерно, что отношение к внешнему миру ребенка определяется отношением через другого человека (Выготский, 1984, с. 308).

Ч. Дарвин считал, что основы нравственности у наших предков в ходе эволюции формировались в процессе межгрупповых столкновений. Его догадки находят подтверждение в работах современных эволюционных биологов. Оказалось, что межгрупповая вражда и конфликты, которые, по мнению археологов и историков, в палеолите были чрезвычайно интенсивны и кровопролитны, способствовали развитию альтруизма (Choi, Bowles, 2007). Альтруизм у наших предков изначально был направлен только на членов своей группы и развивался в комплексе с парохизмом — враждебностью к чужакам. До сих пор многие политики цинично злоупотребляют этим механизмом, объявляя кого-то общим врагом, ведь общий враг — сильнейший катализатор для чувства единства сообщества. Впоследствии чувство заботы распространилось на соплеменников по принципу: кто делает добро, того встречают добром. В какой-то момент опереживание другому стало основой морали человека. По мнению нидерландского нейробиолога Д. Свааба, пару тысячелетий назад это нравственное чувство было эффективно абсорбировано религиями (Harman, 2010). Биологическая цель морали — содействие членам своей группы, поэтому первоначально моральный долг означал преданность в первую очередь семье, роду, общине. При определенных условиях сфера преданности может расширяться — до государства, континента, даже всего человечества.

Как отмечал Ю.М. Лотман, переход от парадигмы борьбы противоположностей к парадигме эволюции осмысливается все еще на прежнем, более привычном языке бинарных оппозиций (Лотман, 2000). Возможно, именно поэтому логика конфликта продолжает доминировать в нашем обществе. Метафоры борьбы и конку-

ренции остаются чрезвычайно популярными в научных исследованиях. В подтверждение этого можно привести множество примеров, в том числе и тот, что иногда сама «культура мира» определяется как «культура конфликтов» (Ройтер, 1998). Даже толерантность все еще понимается в рамках парадигмы конфликта: нередко она определяется через отрицание — как ненасилие, неагрессивность, отсутствие дискриминации и ксенофобии. В результате положительное содержание толерантности остается неуловимым, а меры по ее формированию принимают односторонний запретительный характер. В конечном счете, такое упрощенное понимание ведет к укреплению интолерантных установок, ярким примером которых является феномен политкорректности. Анализ многочисленных разработок психотехнологий формирования толерантности показывает, что логика их конструирования чаще завязана на категории интолерантности, которая по сравнению с толерантностью более привычна и естественна для восприятия. Это поднимает в контексте практических разработок одну из самых сложных и значимых проблем — разную степень восприимчивости индивида к феноменологии толерантности и интолерантности. Например, психологам хорошо известно, что негативные стереотипы быстрее усваиваются и труднее поддаются изменению. То есть на психологическом уровне интолерантность более проста и доступна для понимания, чем толерантность. Интолерантность лучше опознается, лучше понимается.

Нормы содействия, взаимопомощи, близкие к альтруизму, нормы, предполагающие поддержку, понимание в конфликтных ситуациях, рождаются с большим трудом, чем интолерантность. Это наглядно демонстрируют результаты эксперимента, проведенного с детьми 5–10 лет. Изучалось, как дети действуют в ситуациях, когда в ходе смоделированной игры партнеры либо проигрывают, либо выигрывают. Оказалось, что мальчики умеют сострадать тому, кто проиграл, и пытаются ему как-то помочь только в возрасте до 8 лет, а сорадуются в случае выигрыша — только до 7 лет. У девочек сострадание продолжается до 9–10 лет, но они практически не умеют сорадоваться. Объясняя результаты этих экспериментов, А.Г. Асмолов

приводит высказывание немецкого поэта Ж.П. Рихтера: «Сострадать могут и люди, а сорадуются только ангелы». Подвиг толерантности — это и подвиг сорадования, и подвиг сострадания (Асмолов, 1998).

Разговор о толерантности заходит тогда, когда существует или возникает такой объект, с которым примириться нелегко, а иногда даже невозможно. Известный английский философ П. Николсон считает, что всякое толерантное отношение с необходимостью включает примирение с некоторым отклонением (Nicholson, 1985). Причем субъект должен морально не соглашаться со значимым для него отклонением. Если удастся примириться с отклонением, то необходимо, с одной стороны, с чем-то расстаться (например, с желанием оскорбить, подавить или вытеснить кого-то) и, в то же время, с другой — сохранить приверженность своим собственным убеждениям. Эта борьба между приверженностью собственным взглядам и признанием позиции и убеждений других определяет толерантность как внутренне напряженную категорию, более сложную для понимания по сравнению с интолерантностью.

Когда ставятся исследовательские или практические задачи формирования толерантного сознания, самым легким способом подойти к его изучению оказывается путь от противного — через интолерантность. Неслучайно агрессивное или отклоняющееся поведение привлекает гораздо больше исследователей, чем изучение поведения людей, совершающих гуманные поступки или просто не нарушающих общепринятые социальные нормы. Безусловно, в первом случае, изучая такие меньшинства, ученые получают более яркие и впечатляющие результаты.

В прикладном аспекте борьба с интолерантным поведением также имеет богатую традицию. Например, в рамках «вентиляционистского» подхода, названного так известным исследователем агрессивного поведения Л. Берковицем и предполагающего поиск способов снижения агрессивности посредством «выпускания пара», разрядки негативных эмоций (Берковиц, 2002). Но это направление, как универсальный способ борьбы с деструктивным поведением, потерпело фиаско. Об этом свидетельствуют эксперименты с воображаемой агрессии-

еий. Тем самым было опровергнуто представление о том, что дети, разряжающие свою агрессию в воинственных и компьютерных играх, могут таким образом избавиться от своих агрессивных побуждений. Напротив, вероятность проявления реальной агрессии в будущем даже повышается.

Психологами был проведен ряд блестящих экспериментов, в которых на основе конструирования группового интолерантного поведения удалось получить впечатляющие результаты, демонстрирующие непродуктивность и фатальность довлеющей в обществе парадигмы конфликта. Это — уже упоминавшийся выше эксперимент М. Шерифа по изучению процессов конкуренции и кооперации; эксперименты Г. Тэджфела с коллегами по изучению феноменов «аутгрупповой враждебности» и «ингруппового фаворитизма» (Tajfel, Turner, 1979); на шумевшие в свое время эксперименты С. Милгрема (Milgram, 1974); печально известный «тюремный эксперимент» Ф. Зимбардо (Haney, Zimbardo, 1977); и эксперимент Дж. Эллиот по изучению феномена дискриминации, проводившегося на школьниках начальных классов (Elliot, 1977).

Опасность деструктивных социальных процессов волнует не только психологов. После Второй мировой войны особую значимость приобрел вопрос о том, каким образом законопослушные, порядочные, любящие свои семьи и в общем цивилизованные люди могут превратиться (иногда за очень короткое время) в выраженных ксенофобов, хладнокровных убийц, фашистов и палачей. Актуальность этого вопроса подчеркивает убийство 1 августа 2011 г. Андресом Брейвиком, решившим, по его словам, «остановить исламизацию Европы», 76 человек в Норвегии — в стране с одним из самых низких уровней преступности.

Для исследования особенностей развития социально опасных процессов были проведены многочисленные эксперименты. Один из них принадлежит преподавателю истории колледжа в Калифорнии (Поло Альто) Рону Джонсу. В контексте изучения различных политических режимов и форм правления в курсе современной истории он предложил студентам поучаствовать в учебном недельном эксперименте — создании на основе 30 слушателей его курса движения, целью

которого было уничтожение демократии. Был определен главный «порок» демократии — она культивирует в людях индивидуализм. Движение создавалось под девизом «Сила через дисциплину, сила через сообщество, сила через действие, сила через гордость». Было придумано название движения — «Третья волна» (в соответствии с поверьем, что в серии океанских волн третья волна — самая мощная), создан логотип, введены правила для участников движения (соблюдать дисциплину, сидеть прямо, перед ответом вставать, перед тем как задать вопрос, поднимать руку, обращаться к учителю «Мистер Джонс» и отвечать предельно лаконично (не более трех слов), а также правила привлечения новых членов. Через день в группе было уже 43 человека, а еще через день после того, как Джонс научил участников приемам вербовки новых членов, их стало более двухсот. Дисциплина сразу же принесла свои плоды — у многих участников повысилась успеваемость, но появились первые доносчики, сообщавшие учителю о случаях нарушения членами «Третьей Волны» установленных правил, все чаще стали появляться случаи дискриминации тех, кто не примкнул к движению, начали происходить стычки с другими молодежными группами (например, с байкерами-анархистами). Те, кто решил выйти из движения, стали считаться предателями, а кто выступал против, — врагами. Джонс отмечал, что уровень дисциплины и лояльность проекту, учитывая раскрепощенность и свободолюбие американцев, были просто невероятны. Поэтому эксперимент начал выходить из-под контроля. В связи с этим Джонс объявил, что «Третья Волна» является частью всемирного движения и что на следующий день намечено сообщить всей стране о его существовании и принять участие в президентских выборах, чтобы достичь поставленных целей.

На всеобщем собрании «Третьей Волны» вместо кандидата в президенты участники увидели пустой экран. После нескольких минут напряженного ожидания Джонс объявил участникам истинную цель эксперимента — исследование фашизма — и показал им фильм о Третьем Рейхе. Этот эксперимент получил большой резонанс. И без специальных исследований было понятно, что такое может случиться с целой страной, но стало страшно, что

это может произойти так быстро. На основе этого эксперимента было снято три фильма, один из которых документальный — «План урока» (2010). Второй был художественным и вышел в прокат в 2008 г. («Волна» Денниса Ганзеля). В нем действие перенесено в современную Германию. В фильме во всех подробностях показано превращение раскрепощенных современных немецких ребят в фашистов. В отличие от эксперимента фильм кончается трагически. Эксперимент можно прекратить, фильм — выключить, но реальные события нельзя остановить и перемотать назад, чтобы начать сначала теперь уже правильно.

Эти работы не только послужили мощным толчком для научных исследований по данной проблеме, но и привели к осознанию негативных последствий развития событий по подобным сценариям на уровне общественного сознания. К сожалению, пока приходится констатировать, что столь же впечатляющих экспериментов по конструированию толерантного поведения пока не существует.

Анализируя социально-психологические исследования, мы отчетливо видим в них зарождение основ для формирования промежуточного периода перехода от парадигмы конфликта к парадигме солидарности в экономических, социальных и гуманитарных науках. Это является результатом развеяния навязанных парадигмой конфликта ожиданий серьезных системных кризисов в науке и в общественной практике, которые в значительной степени сегодня связаны с этическими факторами. Особое значение приобретает морально-психологическая составляющая научных концепций, которая сама служит средством преобразования действительности (Шихирев, 1997). В Уставе ЮНЕСКО звучит мысль о том, что войны начинаются, прежде всего, в умах людей. И в умах же происходит поворот к миру. Принцип толерантности в качестве социальной и психологической основы культуры мира и согласия между народами активно внедряется рядом авторитетных общественных организаций. Именно он может выступить промежуточным переходным этапом от парадигмы конфликта к парадигме солидарности. Оставаться в рамках методологической парадигмы конфликта становится все более неудобно и даже опасно.

С 1980–1990-х гг. стали появляться работы по изучению самого феномена толерантности, на многие из которых мы будем ссылаться. Их основа была заложена довольно давно, но тема, в силу доминирования парадигмы конфликта, не была широко подхвачена. Из психологов первым обратился к изучению толерантности Г. Олпорт в ставшей уже классической работе «Природа предрассудка», где он впервые ввел термин «толерантная личность», подразумевающая под этим человека, «который одинаково дружелюбно настроен ко всем людям без исключения. Ему безразлична раса, цвет кожи или вероисповедание. Он не просто терпит все это, он любит людей» (Allport, 1954). Вклад этой работы в психологию толерантности состоит в том, что в ней определены черты толерантной и интолерантной личности, детально описаны условия их развития у индивида и то, какую роль в этом играют условия его социализации.

В России ученые тоже разрабатывают парадигму толерантности начиная с работ П. Кропоткина. В современной российской науке в контексте методологии исследования сложных систем с позиции их вариативности, сложности и разнообразия (Асмолов, 1996) все острее осознается необходимость перехода от методологии анализа межлических отношений, фокусирующейся на конфликтах, к методологии, фокусирующейся на изучении кооперации, сотрудничества, согласия и единства.

Эта мысль проводится в работах социологов, изучавших социальную напряженность в обществе (Давыдов, 1992; Дмитриев, Кудрявцев, 1993; Руквишиников, 1990; Куконков, 1995; Степанов, 1996 и др.); межэтническую напряженность как проявление противоречий между тенденциями к межкультурному объединению и к признанию значимости отличительности в поликультурном обществе (Солдатова, 2001).

Толерантность в качестве ценности интегрированного общества, основополагающего нравственного принципа солидарности человечества, практики действия во взаимоотношениях между людьми, позитивной личностной характеристики привлекла в последние годы внимание многих исследователей в России (А.Г. Асмолов, А.А. Гусейнов, Л.М. Дро-

бижева, Н.М. Лебедева, В.А. Лекторский, Г.У. Солдатова, В.А. Тишков, М.Б. Хомяков, Л.А. Шайгерова и др.).

Проведенный нами анализ исследований в области философии, теории культуры, социальной психологии, экономики, генетики и эволюционной биологии показывает, что в научном сознании выход за пределы парадигмы конфликта уже произошел. Это хорошо видно по изменившимся символическим обобщениям и метафорам, пронизывающим сегодня все науки о человеке («понимание», «диалог», «полифоничность», «сложность», «плюрализм», «Другой» и др.).

Развитие новой парадигмы отражается также в формировании научных и научно-практических сообществ, ее продвигающих (Кун, 1975). Яркий пример – это всероссийское сообщество ученых и практиков, которое возникло при поддержке Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в Российском обществе» (2001–2005 гг.). Оно сохранилось в том или ином виде до настоящего времени. Существуют научно-практические Центры толерантности в различных регионах России; исследовательские группы; сообщества психологов и педагогов, создающих и продвигающих социокультурные технологии конструирования толерантности и профилактики ксенофобии в детском и подростковом возрасте; издается специальный журнал сообщества «Век толерантности».

Признаки формирования новой парадигмы проявляются также в особом внимании к разработке методов исследования толерантности, практических программ и технологий ее конструирования (Солдатова и др., 2002; Лебедева и др., 2003; Солдатова и др., 2004; Солдатова, Макачук, 2006; Искусство жить с непохожими людьми, 2009 и др.). Формами институционализации междисциплинарной парадигмы толерантности являются специально разработанные университетские курсы, различные варианты спецкурсов по психологии толерантности, психологии альтруизма, практикумы по социокультурным технологиям формирования толерантности и профилактики ксенофобии, практикумы по психодиагностике и исследованию толерантности. В последние годы появились и специализации, построенные на идее перехода от парадигмы

конфликта к парадигме толерантности, например, «Психология переговоров» на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Какие имеются сегодня перспективы укоренения ценностей толерантности в общественном сознании? Как показывает мониторинг, который более 25 лет проводит известный социолог Р. Инглехарт, в европейских странах происходит неуклонный рост значимости «постматериалистических» ценностей – возможности свободно выбирать стиль жизни и выражать себя, доверия и терпимости. Особенно заметен этот сдвиг в демократических странах с высоким уровнем экономического развития (Inglehart, 2000). По мнению У. Бека, у новых поколений сильно развита мораль, и она не ограничивается национальными границами – они проявляют, по его словам, эгоистичный альтруизм. К эгоистичным альтруистам относятся, например, те, кто строят свою карьеру и при этом находят время на помощь бездомным или инвалидам. У. Бек считает, что это не самопожертвование, а отчасти расчет, сочетание любопытства и желания помочь, а также стремление узнать другой мир и что-то новое о себе (Beck, Willms, 2003). В мире много эгоистичных альтруистов, альтруистичных эгоистов и, к счастью, есть и просто альтруисты. Это все те, кто попадает в категорию толерантных индивидов, количество которых, по данным разных лет всероссийского мониторинга толерантности, доверия и ксенофобии, в среднем составляет 76% от числа опрошенных (Солдатова и др., 2004; Солдатова, Филилеева, 2006; Солдатова, Нестик, 2010). Это очень хорошая основа для формирования и продвижения парадигмы толерантности в общественном сознании россиян.

Многие сторонники толерантности видят в ней панацею от всех социальных бедствий, в то время как она – лишь промежуточный этап в движении от конфликта к взаимопониманию, диалогу, взаимодействию и сотрудничеству. Без диалога толерантность неустойчива, потому что она возникает в конфликтной ситуации, но сама по себе не разрешает этого конфликта, не устраняет его причин, не снимает противоречия между конфликтующими сторонами. Толерантность всего лишь делает возможным ненасильственный диалог между сторонами. Отсутствие войны еще не

означает мир, так как конфликтующие стороны остаются на своих исходных позициях (Перцев, 2005). Для движения вперед нужна не просто устойчивость к различиям, а поиск точек соприкосновения, творческое взаимодействие.

Поэтому так важен поиск подходов к формированию толерантности через положительные, диалогические формы взаимодействия — альтруизм, взаимопомощь, кооперацию.

Недавно журнал *Forbes* провел экспертный опрос и попытался предсказать, какие профессии будут востребованы в ближайшие 10 лет. Две прогнозируемые профессии из десяти, стоящих на первых местах, оказались связаны с проблемами межличностных отношений, решение которых, с одной стороны, связано с конфликтами, с другой — с проблемами конструирования толерантности и управления рисками ксенофобии. Войны и конфликты востребуют «универсальных солдат», профессиональных бойцов для проведения операций по «принуждению к миру», «восстановлению конституционного порядка», обезвреживанию террористов и мятежников. Для работы с вызванными конфликтами миграционными потоками будут необходимы «эксперты по абсорбции, национальным и религиозным конфликтам» — новая профессия в мире, в котором все более перемешиваются расы, этнические группы и религии. Для интеграции все возрастающих миграционных потоков в принимающее общество необходимы профессионалы, которые сочетали бы в себе качества посредников, переговорщиков и психологов.

Человечество сегодня пишет сценарий своего будущего. Можно сколько угодно ругать толерантность, но в контексте историко-эволюционной перспективы у человечества нет иного козыря в его сценарии выживания.

Список литературы:

- Асмолов А.Г. Психология личности. — М.: Смысл, 2007.
- Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. — М.: Дело, 2011.
- Выготский Л.С. Младенческий возраст. — М., 1984.
- Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликта. — М., 1993.
- Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты ядерного сдерживания и стратегической стабильности // Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — №2.
- Здравомыслов А. Социология конфликта. — М., 1996.
- Зиммель Г. Человек как враг // Социологические исследования. — 1994. — №2. — С. 114–119.
- Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999.
- Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. — М.: КРАСАНД, 2009.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. — М., 2003.
- Лотман Ю.М. Семiosфера. — СПб: Искусство—СПб, 2000.
- Марков А. Рождение сложности. — М.: Астрель, Согрус, 2010.
- Махлин В.Л. Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX в. — М., 1997.
- Назаретян А.П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. — 1994. — №6.
- Нестик Т.А. Тенденции развития современной социальной психологии за рубежом // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. — 2008. — Т. 10. — Вып. 1 (40). — С. 159–161.
- Перцев А.В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — С. 29–51.
- Ройтер В. Год 2000: на пути к культуре мира и ненасилия. — М.: Элит-клуб, 1998.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности в ситуации социальной нестабильности: Автореферат дисс. ... доктора психол. наук. — М., 2001.
- Солдатова Г.У., Кричевец О., Филилеева Е.В., Мониторинг толерантности, социального доверия и ксенофобии. Бюллетень №1. — 2004.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: информационно-аналитический бюллетень. — М.: Смысл, 2002. — №4.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности. — М.: МГУ, 2003.
- Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М., 1992.
- Axelrod R. The evolution of cooperation. — New York: Basic Books, 1990 (1984).
- Batson C.D. The altruism question: Toward a social-psychological answer. — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991.
- Beck U., Willms J. Conversations with Ulrich Beck. — Cambridge: Polity Press, 2003.
- Choi J.K., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war // Science. — 2007. — Vol. 318. — P. 636–640.
- Ferguson R.B., Farragher L.E. The anthropology of war: a bibliography of war. — New York: Guggenheim Foundation, 1988.
- Forgiveness and reconciliation: religion, public policy, and conflict transformation / Ed. by R.G. Helmick, R.L. Petersen. — Radnor, Pennsylvania: Templeton Foundation Press, 2002.
- Frey B.S. Not just for the money: an economic theory of personal motivation. — Northampton, MA: Edward Elgar, 1997.
- Handbook on building cultures of peace / Ed. by J. de Rivera. — New York: Springer, 2009.
- Haney C., Zimbardo P. The socialization into criminality: On becoming a prisoner and a guard // Law, justice, and the individual in society: Psychological and legal issues / J. Tapp, F. Levine (Eds.). — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1977. — P. 198–223.
- Harman O. The price of altruism. George Price and the search for the origins of kindness. — W.W. Norton & Company, 2010.
- Meier S. A survey of economic theories and field evidence on pro-social behavior // Economics and psychology: a promising new cross-disciplinary field / Ed. by B.S. Frey, A. Stutzer. — Cambridge: MIT, 2007. — P. 51–87.
- Milgram S. Obedience to authority: An experimental view. — New York: Harper & Row, 1974.
- Nordstrom C. A different kind of war story. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.
- Novak M., Highfield R. Supercooperators. Altruism, evolution and human behaviour or Why we need each other to succeed. — Free Press, 2010.
- Peace and reconciliation: In search of shared identity / Ed by S.C.H. Kim, P. Kollontai, G. Hoyland. — Hampshire: Ashgate Publishing, 2008.
- Ross M.H. The culture of conflict: Interpretations and interests in comparative perspective. — New Haven: Yale University Press, 1993.
- Sherif C.W., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Sherif C.W. Intergroup cooperation and competition: The Robbers Cave experiment. — Norman, OK: University Book Exchange, 1961.
- Sherif M., Harvey O.J., White B.J., Hood W.R., Simons A. WAR: Back to the future // Annual Review of Anthropology. — 1999. — Vol. 28. — P. 73–108.
- Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). — Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. — P. 33–47.
- Tetlock Ph.E., McGuire Ch.B., Mitchell G. Psychological perspectives on nuclear deterrence // Annual Review of Psychology. — 1991. — Vol. 42. — P. 239–276.
- Weber M. The theory of social and economic organization / Transl. by A.M. Henderson and Talcott Parsons. — New York, 1950.